

БАГИФ СУЛТАНЛЫ

ПЕСНЯ ОБЛЕТЕВШИХ ЛИСТЬЕВ

Зурна звучала по всей по округе, зазывая на свадебное веселье. Люди торопливо собирались на звуки этой мелодии.

Бабушка Сона, скрестив руки на груди, стояла в углу палатки, где шло веселье. Звуки зурны проникали в ее душу, будоражили что-то давно отжившее и забытое. Эти звуки заставляли ее, больную, подняться с постели и прийти сюда. Но сейчас звуки зурны пробуждали в ней новую, до сих пор не слышимую ею мелодию. В душе начинал звучать далекий голос, новый и непонятный.

Обычно никто не замечал ее на таких торжествах; она приходила, тихонько стояла в углу палатки, стараясь быть незамеченной, и также незаметно уходила.

Но сейчас, поддавшись волшебству мелодии, бабушка Сона все позабыла и ничего, кроме звуков зурны, не слышала... Откуда шли эти звуки? Мысли ее унеслись в далекое детство и высветили самые затаенные уголки памяти.

...В один из солнечных весенних дней, когда деревья начинали расцветать белыми и фиолетовыми цветами, Сона вместе с другими детьми играла в прятки. Она спряталась на ветке тутовника, широкие листья которой надежно укрывали ее.

Дети никак не могли ее найти. И когда они уже собрались идти домой, Сона с радостным криком прыгнула вниз, но, зацепившись платьем за сухую ветку, не удержала равновесия и полетела на землю вниз головой.

И это она хорошо запомнила.

Потом она выздоровела и опять играла с детьми в прятки. Но что-то пошло не так после того падения: шли годы, ее сверстники подрастали, а Сона оставалась такой же маленькой. И по мере того, как росли ее сверстники, на ее спине рос горб, обезображивая ее тело.

Теперь, наблюдая за весельем в палатке, она вспоминала те былые дни. Невеста, покрытая фатой, сидела во главе стола со своими подругами. Среди родных, близких, знакомых людей Сона вдруг почувствовала себя глубоко одинокой. Ей хотелось сбежать отсюда, вернуться домой, в теплую постель, но это продолжалось только какое-то мгновение, потом она опять подпала под влияние этой чарующей музыки.

Как долго она не слышала ее. По мере того, как эта музыка заполняла ее душу, печаль в ее глазах рассеивалась, как густой туман от солнечных лучей. От этого бабушка Сона молодела и на глазах превращалась в молодую женщину. Как будто это была не свадьба сына Черного Шамида и дочери пастуха Лятифа Гульсюм, а Сироты Исми и ее.

Под тутовым деревом, откуда она когда-то в детстве упала, Сирота Исми сделал ей предложение. Уходя на фронт, Сирота Исми просил ее, чтобы она дождалась его, говорил, что он обязательно вернется, заработает деньги, построит дом и сыграет хорошую свадьбу. Сейчас Сона забыла о том, что Исми так и не вернулся с фронта, что за годы ожидания своего жениха ее и без того скрюченное горбом тело скрючилось еще больше.

Все сверстники Соны давно уже умерли; только ее упрямое ожидание Сироты Исми непонятным образом поддерживало в ней жизнь. Но прошло шесть месяцев с того дня, как она перестала ждать его и, простившись с миром, слегла в постель, ожидая смерти.

Черная зурна все пела и пела. Гости, взявшись за руки, плясали яллу. Но Сона никого не видела, и никто не видел старую Соню. Музыка, вливавшаяся широким потоком в ее душу, преображала ее, заставляя плясать ее тело.

Танцующие, не выдерживая ритма черной зурны, падали уставшие на сиденья. Танцевальная площадка полностью очистилась. Зурначи заиграл печальную мелодию, заиграл так, что люди забыли о том, что они хотели танцевать, и притихли. Наконец, и музыкант устал и замолк.

Одна бабушка Сона взволнованно стояла на своем месте; музыка, звучащая в ее душе, тянула ее плясать, руки, ноги просились в пляс, сердце заходило в пляс. Как ни старалась бабушка Сона устоять на месте, ничего у нее вышло, она и не помнила, как оказалась в центре палатки. Она танцевала в тишине в такт мелодии, раздававшейся в ее душе. Зурначи удивленно смотрел на нее и не знал, смеяться ему, плакать, или играть.

Но он быстро опомнился и стал подыгрывать ей на зурне, но никак не мог попасть в ритм танца бабушки Соны. Ни один инструмент не смог бы сыграть эту мелодию, по той простой причине, что ее никто и не слышал.

Бабушка Сона танцевала перед невестой, как будто хотела вывести ее из свадебной палатки, но не выводила; как будто ей хотелось самой сесть на ее место, но она не садилась.

Дочь пастуха глядела на нее, и из глаз ее текли слезы, но слезы эти не были видны под фатой. Никто не старался посадить старушку на место или вывести ее из палатки, все с удивлением глядели на нее и ждали, чем закончится этот необычный танец.

Бабушка Сона продолжала танцевать, и вдруг она начала смеяться. Потихоньку люди стали присоединяться к ней. В палатке стало шумно. Сона заливисто смеялась и продолжала танцевать, казалось, ее больше ничто на свете не тревожит. Зурначи так и не смог попасть в такт ее танца и играл какую-то странную, непонятную мелодию. Бабушка Сона, танцующая, вышла из палатки и направилась к воротам. Танцующая, она вышла на улицу Аг Йол, пересекающую всю деревню.

Гости, приглашенные на свадьбу, последовали за ней. Потеряв во время танца свои старые рваные галоши и черный платок, она, танцующая, босая, с всклокоченными волосами, вела за собой толпу, сама не зная куда.

Зурначи Гара все еще старался попасть в ритм танцующей Соны. Но его попытки так и остались безуспешными. Люди хотели остановить Соню, но почему-то не останавливали, и Сона, танцующая, продолжала свой путь.

Вдруг она выпрямилась, горб исчез. Сгорбленная старуха вдруг превратилась в стройную статную женщину.

Увидев преобразование Соны, зурначи Гара замер, и странная мелодия, которую он наигрывал, замерла на кончиках его пальцев. Теперь музыка, раздававшаяся в ее душе, стала слышна отчетливее. Она танцевала так, как будто хотела раствориться в этой музыке, превратиться в дух и растаять в воздухе.

Завтра наступит утро самой удивительной ночи; начавшийся с вечера осенний дождь будет идти, не переставая, всю неделю и зальет дома, деревья, размочит все дороги.

Бабушка Сона этого не знала.

Завтра Сирота Исми позовет ее под тутовое дерево, обнимет ее под проливным дождем и будет всю ночь утешать ее.

Бабушка Сона этого не знала.

Завтра ночью под холодным осенним дождем опадут листья с тутового дерева, и больше оно никогда не зазеленеет.

Но тетюшка Сона об этом не узнает.

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

Литературный Азербайджан - 2002. - №10 -

Аг Йол - белая дорога (азерб.).

С. 42-43.